

15-21.11.2001

Рязьбург. — 2001. — 15-21 ноября. — с. 10

Черная лебедь – эмблема печали, белая лебедь – эмблема любви

Большой балет в Мариинке

Большой театр танцевал в Петербурге "Лебединое озеро" ровно и крепко: не хуже, чем умеет, но, правда, и не иначе, чем за ним водится обычно. Так он танцует дома. Другое дело, что в Москве его сравнивают с ним самим, а в Петербурге сравнивали с отбывшей в Москву Мариинкой.

Можно посоветовать, что удивительно одаренный природой Андрей Уваров (Принц) сиднем сидит на великопеленных данных, как если бы природа поскупилась оделить избранника артистизмом, чтобы ее щедрость не показалась чрезмерной. Но мы видели азарт-

но точного, импульсивного Уварова в хореографии Ратманского и знаем, что это наверняка не так. А потому его всегдашняя вялость в академических балетах раздражает еще больше. Можно похвалить Николая Цискаридзе (Злой гений), еще раз удивившись артистической серьезности, с какой этот танцовщик относится к любому своему выходу на сцену. Можно сказать, что Анастасии Волочковой (Одетта-Одиллия) не мешало бы похудеть, подтянуть технику и т.д.: выход в "Лебедином" показал, что трудный и хлопотный классический балет явно ее утомил и

должен быть оставлен за ненадобностью. Можно, наблюдая труппу в целом, составить описи грехов против академического канона: кисти "лопатошкой", вытянутые локти, стопы "валеночками" во время проходных рас, неряшливая ритмика, недостаточная выворотность (окончательно исчезающая на подходе к прыжкам); можно похвалить за вообще присущие москвичам статность, высокий прыжок, удалой размах.

Перед гастроллями много говорили о том, что пора прекращать рознь, соперничество и ревность между театрами. Но не говорили о

том, что все это будет продолжаться до тех пор, пока театры будут сравнивать друг с другом. Последнее бессмысленно в силу очевидности: Мариинский театр не похож на Большой, а Большой – на Мариинский. Пора прийти к мысли, что Большой не хуже и не лучше Мариинского театра (и соответственно наоборот): он другой.

Мощный посыл москвичей, превращающий академический кордебалет в неакадемическую сумму индивидуальных воль. Их своеобразный практицизм, потребность в предельно конкретном артистическом задании, прочно

обоснованном простыми и понятными человеческими эмоциями, осязаемой фабулой, отчего Ратманский удастся им не в пример лучше, чем Баланчин, а Григорович – лучше, чем Петипа. И даже прославленный героический размах московского балета заставляет вспомнить не барочные битвы титанов, а маслянистый кулачный бой, не Микеланджело, но Никиту Михалкова. Давайте узнаем здесь тот же самый московский *genius loci*, что однажды вывесил возле одной прелестной церкви рукотворный плакат: "Верь в неопалимую купину и службу 01". Сноб

скажет о пошлости, но добродушный и склонный удивляться миру путешественник увидит за этим стремление придать всему обобщенный, антропоморфный масштаб, одомашнить, приспособить (попутно объяснив) окружающий мир к чаяниям вот этой человеческой жизни. Чем ближе к небу, тем холоднее, а Большому балету хорошо на теплой земле. И чувство это можно разделять или не разделять, но оспорить – невозможно.

Яна ЮРЬЕВА
Санкт-Петербург

15-21.11.2001